

А музыка — это не то, что любой может петь как попало и получить хороший результат. Как минимум нужно вкладывать душу. Но пока что Чу Цин не видел никого, у кого бы не было способностей, но была бы искренность. Даже не к кому проявить снисхождение.

— Здравствуйте, наставники. Меня зовут Ван Чжэнлань из агентства XX Entertainment.

Следующим на сцену вышел юноша, одетый ярко и броско. Чу Цин даже вздрогнул от его блеска.

Выглядел он симпатично, но обычно участники не одеваются так вызывающе.

— Участник Ван Чжэнлань... Ты бывший участник группы Летающие юноши? — улыбнулся Лу Цзяянь. — Похоже, ты участник с уже имеющейся популярностью.

— Спасибо, учитель! Я ведущий вокалист Летающих юношей, — на лице Ван Чжэнлани читались самодовольство и полная уверенность.

Ван Чжэнлань и правда был одним из участников с собственным графиком и высокой популярностью, с немалым количеством фанатов, отчего он не мог не задирать нос.

Хотя эта популярность по сравнению с сидящими здесь наставниками — просто капля в море.

Лу Цзяянь лишь усмехнулся, ничего не сказав.

— Начинай.

Ван Чжэнлань исполнил песню — грустную любовную балладу.

Его голос был низким и чувственным, он пел всё более эмоционально, в кульминационный момент наклонившись на сцене и даже присев на корточки, а в уголках глаз у него навернулись слёзы.

Пел он в общем-то неплохо, главное — парень симпатичный, и все эти движения выглядели очень проникновенно.

Чу Цин слегка приподнял бровь.

Это...

У Ван Чжэнлани изначально была своя аудитория, и, естественно, многие участники хотели его поддержать. Когда Ван Чжэнлань взял высокую ноту, остальные участники принялись аплодировать.

После окончания песни Чу Цин помедлил и поставил оценку С.

Оценки каждого наставника объявлялись публично. Увидев эту С, Ван Чжэнлань изменился в лице, остальные участники затихли.

— Учитель Чу, разве эта оценка не слишком строга? — сказал Ло Юйчэн с жалобным видом. — Я думаю... Я думаю, возможно, Ван Чжэнлань заслуживает более высокой оценки. Все они новички, им нужны поддержка и помощь.

Юй Вэйси, стоя рядом, закатил глаза:

— Как вообще выбирали участников для этого шоу? Разве можно ставить оценки как попало? Я-то понимаю, что тут происходит.

Присутствовавшие наставники по рэпу, Лу Цзянь и Юй Вэйси, не удивились оценке Ван Чжэнлани.

Ван Чжэнлань пел хорошо, но... это было слишком напыщенно. Контроль над эмоциями полностью отсутствовал, управление техникой тоже было плохим. Казалось, он изо всех сил старался продемонстрировать высокие ноты и мелизмы, выставляя напоказ кучу приёмов, которыми на самом деле не владел и которые не очень хорошо исполнял.

Но Чу Цин действительно был строг. Однако он так относился ко всем, так что это можно считать справедливым.

После слов Юй Вэйси глаза Ван Чжэнлани сразу же заблестели.

Он подумал, что Юй Вэйси имел в виду Чу Цина. Теперь, когда Юй Вэйси начал, Ван Чжэнлань, и без того кипящий от злости, тут же взглянул на Чу Цина и язвительно сказал:

— Верно. Приглашённые шоу наставники должны быть такими, как учитель Юй и учитель Ло — с безупречным поведением и чистотой, не ставить оценки как попало.

Ван Чжэнлань подумал про себя: в конце концов, у Чу Цина полно тёмных пятен, и все с ним согласятся.

Юй Вэйси: [...]

Юй Вэйси: [???

Юй Вэйси уже собирался дать отпор, но Чу Цин покачал ему головой.

Чу Цин повернулся к Ван Чжэнланю и спокойно сказал:

— Участник, ты говоришь, что я ставлю оценки как попало. Скажи, пожалуйста, почему ты так считаешь?

Ван Чжэнлань застыл, не ожидая, что Чу Цин будет так прямо с ним спорить.

— Э-это...

Чу Цин мягко улыбнулся:

— Ничего, говори смело. Музыка нужны обсуждения, чтобы развиваться.

Чу Цин мягко сложил руки на столе, и на его лице не было ни тени недовольства или гнева, что озадачило Ван Чжэнлани.

Ван Чжэнлань помедлил и сказал:

— Я просто считаю, что заслуживаю более высокой оценки! Не до уровня С.

— Почему? — спросил Чу Цин. — Можешь привести примеры своих сильных сторон? Почему, по-твоему, ты не на уровне С?

— Я... Я хорошо справляюсь с эмоциями, у меня хорошая вокальная техника, я учился, я ведущий вокалист в группе, — сказал Ван Чжэнлань. — Фанаты говорят, что когда я пою, я полон чувств, трогаю сердца.

Чу Цин покачал головой и усмехнулся:

— Но мои фанаты тоже говорят, что у меня безупречное поведение, а ты так не считаешь. Фанаты так говорят, потому что любят тебя, что бы ты ни делал, им это нравится.

К этому Ван Чжэнлань не осмелился придраться, но всё равно нахмурился, видимо, не смирившись.

Он пришёл на конкурс с высокой популярностью, а его сразу отправили в класс С, где мало эфирного времени. Да и если Чу Цин будет наставником, то, возможно, ему никогда не удастся занять хорошее место в вокальной группе. Так зачем тогда участвовать?

— Я просто считаю, что у меня есть и чувства, и техника, я не настолько плох!

Лу Цзянь молча наблюдал, не вмешиваясь.

Стоявший рядом Ло Юйчэн не выдержал и с беспокойством сказал:

— Не ссорьтесь, пожалуйста... Это портит атмосферу. Учитель Чу, не сердитесь, хорошо? Я думаю, все участники — новички, и нам нужно их поддерживать и искренне направлять. А вы уже суперталантливый музыкант, ваши требования для айдола слишком высоки, участники не могут соответствовать стандартам великого музыканта, это слишком сложно для них.

— Кроме того, творчество учителя Чу называют музыкой с небес, это же невероятно, оно оторвано от мира, а айдолы поют эти поп-песни, вы не можете понять друг друга. Я думаю, вы все хороши, — Ло Юйчэн излучал свет и любовь.

Но каждое его слово било точно в цель: с одной стороны, он хвалил Чу Цина, с другой — очернял его, создавая образ строгого, капризного наставника, который использует свои способности, чтобы подавлять и давить на участников.

Лу Цзянь слегка нахмурился, раздумывая, как сгладить ситуацию, но в следующее мгновение...

Чу Цин с недоумением посмотрел на Ло Юйчэна:

— Мы же не ссоримся?

Ло Юйчэн: [...]

Чу Цин снова искренне спросил:

— Почему ты говоришь, что я сержусь?

Обстановка стала неловкой.

Юй Вэйси не сдержался и рассмеялся.

Ло Юйчэн криво усмехнулся и отвернулся.

— Я просто думаю...

Чу Цин перебил Ло Юйчэна и, глядя прямо на Ван Чжэнлани, сказал:

— Давай я тебе медленно объясню.

— Ты говоришь о чувствах... Сначала посмотри, эта песня — любовная баллада, но твои эмоции подошли бы даже для пения о Юэ Фэе. Я не слышу горечи в этой горькой любовной песне. Чувства, конечно, нужны, но не любые чувства можно в неё вложить. Проще говоря, ты не понял эту песню, не понял эту музыку. Ты не можешь петь ради пения, ради техники забывать о первоначальном смысле песни, выпускать конвейерную продукцию.

— Ты должен понимать, что ты поёшь, и ещё...

Чу Цин, сидя на своём месте, начал пространно рассуждать, его тон был неторопливым, но каждое слово было по существу: от анализа эмоций до техники, он указал на все недостатки Ван Чжэнлани.

И когда Чу Цин говорил, в его тоне не было ни капли пренебрежения, презрения или самодовольства, он просто мягко объяснял человеку.

Остальные наставники и участники остолбенели.

В этот момент Чу Цин выглядел... очень привлекательно.

— Возможно, я слишком много сказал, и это непонятно, — Чу Цин внезапно встал и, повернувшись к звукорежиссёру, сказал:

— Учитель, не могли бы вы включить фонограмму этой песни? Я спою её для него.

Все остолбенели.

— Да...! Да!! Учитель Чу, давай!!

— Учитель Чу!!

Аплодисменты и приветствия посыпались один за другим.

Зазвучала музыка — та же самая мелодичная, горькая любовная песня.

— В этой тихой ночи...

— Твои шаги всё ещё в моей голове...

— Твой образ всё ещё...

Чу Цин закрыл глаза и очень мягко спел вступление.

Ван Чжэнлани выпучил глаза, почувствовав, как у него по коже побежали мурашки.

— Твой образ в этой тёмной ночи, с густой-густой... тоской разлуки.

— Почему ты не возвращаешься...

Дойдя до строки почему ты не возвращаешься, эмоции Чу Цина становились всё сильнее, голос

— всё выше, но это не резало слух, это не было болезненным воплем, как у Ван Чжэнлани, а было уместным, полным отчаяния и печали вопросом.

Никто в зале не мог не почувствовать боль расставания, которую передавал певец.

В конце первой части Чу Цин, как и Ван Чжэнлань, напрямую сорвал голос, но в нём всё ещё звучали доля негодующего вопроса, печали и страха.

И Чу Цин внёс много изменений в эту песню: мелизмы, высокие ноты, ритм, манера пения и техника полностью отличались от ванчжэнланевских.

Было и сдержанность, и эмоциональный взрыв.

— Примерно так.

Чу Цин спел только первую половину, а затем серьёзно сказал:

— Понимать музыку, уважать музыку, не быть высокомерным и не перебарщивать — только так может получиться хорошая музыка.

Ван Чжэнлань полностью остолбенел.

— А... мм.

<http://bllate.org/book/15588/1395605>